Каганов А. Ш. Разветвленный лингвистический анализ как инструмент выявления признаков монтажа фонограмм / А. Ш. Каганов // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 62—78. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-62-78.

Kaganov, A. Sh. (2021). Branched Linguistic Analysis as a Tool for Identifying Attributes Montage's of Phonograms. *Nauchnyi dialog*, 2: 62-78. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-62-78. (In Russ.).

УДК 81'33+343.148:778.534.45

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-62-78

РАЗВЕТВЛЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ МОНТАЖА ФОНОГРАММ

© Каганов Александр Шлемович (2021), orcid.org/0000-0002-7308-065X, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия), a.sh.kaganov@mail.ru.

Рассматриваются вопросы разветвленного лингвистического анализа звучащих текстов на предмет наличия / отсутствия на содержащих эти тексты фонограммах признаков монтажа или иных изменений, внесенных в процессе записи или после её окончания. Актуальность работы обусловлена стремительным развитием цифровых технологий фиксации, анализа и обработки звуковых (в первую очередь, речевых) сигналов и использованием этих технологий в целях фальсификации фонограмм. Особое внимание в предлагаемой вниманию читателей работе уделено освещению тех теоретических оснований, которые служат фундаментом лингвистической части комплексного исследования звукозаписей в отношении их аутентичности. Материалом для предлагаемого вниманию читателей исследования послужила совокупность звучащих текстов тех фонограмм русской речи, которые были вовлечены в сферу оперативно-разыскной деятельности, следствия и судопроизводства в качестве источника доказательств. Автор подробно останавливается на вопросах разветвленного лингвистического анализа указанных текстов, последовательно разбирает с теоретической точки зрения этапы подобного криминалистического исследования, показывает роль лингвистической части экспертизы в интегральном комплексном исследовании звукозаписей с точки зрения их целостности. Ключевые слова: звучащая речь; криминалистика; носитель звуковой информации; речевая коммуникация; ситуация речевого общения; судебная экспертиза; целостность звучащего текста.

1. Введение

Отличительной особенностью задачи криминалистического исследования звукозаписей на предмет их целостности, то есть отсутствия на них признаков монтажа или иных изменений, внесенных в фонограмму

в процессе её фиксации или после окончания последней, является многоаспектность этой задачи прикладной лингвистики и судебной экспертизы [Каганов, 2005, с. 138].

Следствием указанной многоаспектности является комплексность её (задачи) решения. Иными словами, для ответа на вопрос об аутентичности фонограммы, поставленный на разрешения экспертов, необходимо выявить присутствие на звукозаписи признаков монтажа, относящихся к различным группам: аудитивной, лингвистической, инструментальной.

В цели настоящей статьи не входит изложение целостной методики комплексного исследования звукозаписей на предмет наличия (или, наоборот, отсутствия) на них признаков монтажа или иных изменений в полном её (методики) объёме (см., например, [Зубов и др., 2003]). Остановимся здесь только на том разделе такого исследования, который посвящён разветвленному лингвистическому анализу звучащего текста, зафиксированного на фонограмме.

Необходимость проведения такого анализа отмечена, например, в ставшей уже классической монографии Г. С. Рамишвили и Г. Б. Чикойдзе «Криминалистическое исследование фонограмм речи и идентификация личности говорящего», в которой раскрывается тезис о том, что для выявления факта фальсификации фонограммы обязателен анализ речи экспертом-лингвистом с целью проверки естественности протекания беседы, её синтаксического и смыслового единства, естественности и соответствия нормативному распределения речевых пауз и свойств интонационного рисунка высказываний [Рамишвили и др., 1991, с. 217—219].

Указанный анализ строится на изучении условий, специфики речевой организации, структуры и динамики вербального взаимодействия участников рассматриваемого акта речевой коммуникации [Галяшина, 2001, с. 332—335]. Такой аспект анализа фонограмм (вернее, звучащих текстов, зафиксированных на фонограммах) получил в теории криминалистической экспертизы звукозаписей (далее — КЭЗ) название *лингвистического* [Каганов и др., 2014, с. 163].

К новизне настоящей работы можно отнести:

— точку зрения автора на вопрос методологии разветвленного лингвистического анализа звучащих текстов на этапе лингвистической части интегрального комплексного исследования фонограмм в отношении их целостности;

— последовательный разбор (с теоретической точки зрения) составных этапов подобного криминалистического исследования звукозаписей звучащих текстов;

— определение роли лингвистической части исследования в интегральной комплексной экспертизе звукозаписей в отношении их аутентичности (целостности, несфальсифицированности).

2. Цель, объект и предмет лингвистической части комплексного исследования звукозаписей на наличие на них признаков монтажа

С точки зрения теории судебной экспертизы задача исследования фонограмм на наличие признаков монтажа или иных изменений, внесенных в процессе записи или после её окончания, относится к задачам экспертной диагностики [Каганов, 2005, с. 136]. В таком комплексном диагностическом исследовании целью лингвистического анализа является установление полноты и непрерывности фиксации того события речевой коммуникации, которое было запечатлено посредством записи на материальном носителе — фонограммы с присутствующей на ней речевой информацией.

Под *событием речевой коммуникации* мы будем далее понимать ограниченный (в пространстве и во времени), целостный, мотивированный с точки зрения психолингвистики и обусловленный речевой ситуацией процесс вербального взаимодействия коммуникантов — фигурантов криминалистической экспертизы.

Объектом лингвистического исследования в процессе решения рассматриваемой нами задачи криминалистической экспертизы звукозаписей является информация в виде звучащего текста (как правило, в форме диалога; значительно реже — в форме полилога или монолога).

Термин *звучащий текст* употребляется нами по двум причинам. Во-первых, это необходимо во избежание терминологических дискуссий относительно определения природы спонтанного разговорного диалога или полилога, для которых в современной науке в зависимости от исходной теоретической позиции автора используются различные термины: *устный коммуникант*, *диалогическое* (монологическое, полилогическое) *единство*, *дискурс*, *текстоид*, *устное речевое произведение* и др. Во-вторых, термин *звучащий текст* носит общий характер и подразумевает такие формы речи, как монолог, диалог, полилог, то есть все формы, которые могут быть подвергнуты анализу экспертом-лингвистом в процессе выполнения им криминалистического исследования.

Являясь результатом вербального взаимодействия участников события речевой коммуникации, зафиксированного на фонограмме, такой звучащий текст содержит в себе сведения:

— о речевой ситуации, то есть о тех условиях, в которых происходило это коммуникативное событие и в соответствии с которыми выстроено вербальное поведение его участников;

— о динамической структуре анализируемого события, то есть о последовательности смены его фаз на макро- и микроуровне.

Предметом лингвистического исследования в рассматриваемой нами экспертной задаче является установление тех фактических данных по уголовному, гражданскому или административному делу, которые связаны с применением специальных знаний в области разветвленного лингвистического анализа звучащих текстов и которые свидетельствуют о наличии (или, наоборот, об отсутствии) на фонограмме признаков её монтажа.

Соответствие образа речевых действий участников коммуникативного события структуре его развития во времени в условиях, заданных ситуацией речевого взаимодействия, а также проявление этого соответствия в звучащем тексте является показателем целостности отображения коммуникативного события и свидетельствует о полноте и непрерывности его фиксации и его представления на носителе звуковой информации (пластинке, магнитной ленте, дискете, флеш-карте и др.) [Колдин, 2007, с. 427]. В случае цифровой записи звуковая информация содержится в цифровом файле, который может быть размещен либо в памяти компьютера, либо на одном из внешних носителей цифровой информации из приведенного списка.

Важно подчеркнуть, что в зависимости от следственной ситуации, а значит, и в зависимости от конкретных задач экспертного исследования возможно установление полноты и непрерывности фиксации и представления на носителе звуковой информации как всего коммуникативного события, так и отдельных его фрагментов, то есть отрезков звучащего текста различной протяженности.

3. Основные этапы лингвистической части комплексного исследования фонограмм на наличие на них признаков монтажа

Лингвистическая часть комплексного исследования звучащего текста, представленного на экспертизу, включает такие этапы, как:

- установление всех возможных параметров анализируемой коммуникативной картины;
- определение особенностей речевого поведения фигурантов-участников анализируемого коммуникативного эпизода;
- определение динамической композиции анализируемого коммуникативного эпизода на макро- и микроуровне;
- интегрирование параметров ситуации речевого общения и особенностей речевого поведения фигурантов-коммуникантов в заданных этой ситуацией условиях в динамическую конструкцию коммуникативного

эпизода и констатация, таким образом, неразрывности, или целостности его (эпизода) отображения в анализируемом звучащем тексте.

В процессе проведения разветвленного лингвистического анализа звукозаписи (фонограммы) на присутствие на ней признаков монтажа или иных изменений, внесенных в процессе записи или после её окончания, рекомендуется использовать нижеуказанный комплекс методов:

— установление дословного содержания анализируемого звучащего текста (далее — АЗТ);

— транскрипция АЗТ;

— сегментация АЗТ на структурные фрагменты;

— контекстуальный анализ АЗТ;

— толковательный (объяснительный, истолковательный) анализ АЗТ;

— компонентный анализ АЗТ;

— семантико-синтаксический анализ АЗТ;

— перцептивный фонетический анализ отдельных элементов АЗТ.

4. Характеристика ситуации речевого общения

Ситуация речевого общения определяет условия коммуникативной деятельности фигурантов-участников, ограниченного в пространстве и во времени, мотивированного, целостного, социально обусловленного процесса их речевого взаимодействия. В соответствии со своим пониманием этих условий и знанием норм речевой коммуникации говорящие выстраивают свою коммуникативную деятельность в рамках данного АЗТ.

Исследование звучащего текста, представленного на фонограмме, имеет своей целью установление всех возможных характеристик ситуации, в которой происходит коммуникация фигурантов, и включает в себя, прежде всего, анализ его (текста) содержательной стороны.

К числу основных параметров анализа ситуации речевой коммуникации, которые устанавливаются в процессе проведения лингвистической части исследования, следует отнести (сразу подчеркнем, что приведенный ниже список параметров анализа носит иллюстративный характер и не претендует на полноту):

— степень подготовленности анализируемой речевой коммуникации (запланированная / незапланированная);

— тип общения (официально-деловое / неофициальное);

— характер речевого общения (публичное / непубличное, или формальное / неформальное);

— частотность анализируемой ситуации (высокая / невысокая);

- количество участников анализируемой речевой коммуникации (диалог / полилог);
- расположение фигурантов-коммуникантов в пространстве (контактное / дистантное, визуальное / невизуальное);
- код общения (вербальный / смешанный, то есть вербальный с применением кинесики) (см., например, работу [Морозов, 2011]);
- назначение события речевой коммуникации (обсуждение путей решения проблемы / поиск нужной информации / координирование совместной деятельности / свободное времяпрепровождение);
- пространственная локализация коммуникативного события (в замкнутом пространстве (то есть в помещении) / на улице (то есть на открытом пространстве));
- факторы, затрудняющие общение (присутствуют / отсутствуют);
- расположение коммуникативного события по отношению к циклическим периодам деятельности человека (работа / отдых / будни / праздники / время суток / время года);
- дефицит времени для общения (присутствует / отсутствует);
- предыстория анализируемой речевой коммуникации (присутствует / отсутствует);
- отношения участников коммуникации (близкие (родственные, дружеские) / нейтральные (знакомый, сослуживец) / дистанцированные);
- сходство объема фонда общих знаний коммуникантов (низкое / среднее / высокое).

Из приведенного выше перечня видно, что речевое, или вербальное поведение индивидуума-фигуранта экспертизы — это сложное, многоаспектное явление, которое обусловлено большим числом факторов: особенностями его воспитания; местом рождения, проживания и обучения; той средой, в которой фигурант-коммуникант АЗТ каждодневно находится; теми особенностями, которые свойственны ему как личности в качестве представителя определенной социальной группы и (или) той или иной национальной общности. В процессе взросления вербальное, или речевое поведение фигуранта постепенно становится для него привычным, шаблонным. Это находит выражение в требуемых окружающими от коммуниканта-фигуранта стандартных оборотах речи, клише (региональных, профессиональных, возрастных и др.), с одной стороны, и в то же время в каких-либо сугубо индивидуальных речевых проявлениях данного диктора-фигуранта, с другой. К перечисленным выше факторам, характеризующим речевое поведение индивидуума, можно добавить и факторы невербальные — жесты, мимику (последние факторы могут быть исследованы,

если речь идёт о видеофонограмме (см., например, [Леви и др., 1983; Морозов, 2011]), те или иные интонационные и фонационные особенности.

Говоря другими словами, в речевом поведении человека проявляется личность анализируемого диктора-фигуранта экспертизы, свойственная его возрасту, данному историческому периоду, стране, региону, определенной социальной (в том числе и профессиональной) группе, семье. Общаясь с кем-либо, человек находится во множестве ролевых и речевых ситуаций. Всё это заставляет его постоянно ориентироваться в обстановке вербального общения, в присутствующих при разговоре сторонних наблюдателях, должным образом реагировать на реплики своего партнера-коммуниканта. Человек (в нашем случае фигурант КЭЗ) в процессе общения постоянно вынужден выбирать ту или иную речевую манеру, стратегию поведения. По манере речевого поведения можно отличить горожанина от жителя села, высокообразованного человека от человека с низким уровнем образования, детей от взрослых и др.

Речевое, или вербальное поведение (разумеется, в соответствии с общими социальными признаками), как правило, носит индивидуальный характер. Таким образом, речевое поведение человека — это источник важной для органов дознания, следствия, суда криминалистической информации.

Вербальное поведение человека включает в себя «воспроизведение», «проигрывание» присущих данному коммуниканту-фигуранту переменных ситуативных образов и «исполнение» ролей, ориентация в общем социальном положении и в ролях адресата его высказываний, оценка официальности или неофициальности обстановки его общения с адресатом и др.

В самом общем виде такие взаимоотношения коммуникантов можно охарактеризовать следующим образом: руководитель — подчиненный, воспитатель — воспитанник, учитель — ученик, родитель — ребенок и др. При этом бесконечность числа текстов (как письменных, так и интересующих нас в этом исследовании — звучащих) порождается ограниченным (то есть конечным) количеством строевых единиц языка: фонем; морфем; словоформ; моделей словообразования, словоизменения и построения предложений, а также ограниченным числом интонационных конструкций [Брызгунова, 1977].

5. Анализ речевого поведения фигурантов как инструмент лингвистического исследования фонограмм на наличие / отсутствие на них признаков монтажа

Из ряда литературных источников (см., например, [Пашук, 2010]) известно, что речевое поведение человека — это сложное явление, связанное

с особенностями его воспитания, местом рождения и обучения, со средой, в которой он привычно общается, со всеми свойственными ему как личности и как представителю социальной группы, а также и национальной общности отличительными чертами.

Основные составляющие речевого поведения — фразы, интонации, внутренний подтекст. В речевом поведении человека в интегрированном виде отражаются его общая эрудиция, особенности его интеллекта, мотивация поведения и эмоциональное состояние в момент рассматриваемого речевого взаимодействия.

Речевое поведение есть не что иное, как наблюдаемая, намеренная, адресованная коммуникативная активность человека в ситуации его речевого взаимодействия, связанная с выбором речевых и языковых средств в соответствии с коммуникативной задачей, стоящей перед ним.

Условимся в данной статье принимать «речевое действие» за ту единицу, с помощью которой описывается речевое поведение. Таким образом, речевое действие — это такое действие (событие, поступок), которое 1) адресовано конкретному собеседнику-адресату и 2) имеет форму языкового выражения (реплика-высказывание или несколько последовательных реплик). Такое речевое действие, направленное на адресата, несёт воспринимающему его собеседнику (партнеру по коммуникации) значимый для участников коммуникации смысл.

Исследование звучащего текста с целью выявления особенностей речевого поведения коммуникантов включает в себя, в числе прочего, анализ языковой программы воспроизведения ими указанных речевых действий.

К числу характеристик, наиболее важных для определения диагностических и идентификационных признаков речевого поведения фигурантов-коммуникантов АЗТ, относятся:

- статус языка, используемого коммуникантом (родной / неродной);
- используемая языковая подсистема (кодифицированный литературный язык, разговорная речь, городское просторечие, региональный вариант языка, социальный или профессиональный диалект);
- уровень речевой культуры коммуниканта;
- индивидуальные речевые особенности коммуниканта (расстановка и заполнение пауз, темп речи, характер речевого дыхания, особенности артикуляции, интонационные характеристики речи, словарный запас, уровень грамматической компетенции, функционально-динамические комплексы устно-речевых навыков) [Орлова, 1997, с. 124—125];
- склонность индивидуума к коммуникативному лидерству (выражена / не выражена);

— порядок ведения диалога (нарратив, то есть повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленное слушателю в виде последовательности слов или образов, рассказ / реплицирование, то есть свойство, заключающееся в том, что говорение одного из собеседников чередуется с говорением другого или других: либо в порядке смены, либо в порядке прерывания в эмоциональном диалоге);

— оценка коммуникантами типичности ситуации (привычная, хорошо знакомая, комфортная / непривычная, необычная, неудобная);

— включенность в коммуникацию (поверхностная / глубокая / переменная);

— позиция в ходе общения (открытая / отстраненная / закрытая) и др.

Свойства речевого поведения фигуранта-коммуниканта, выявленные на данном этапе лингвистического исследования, характеризуют как речевое поведение этого коммуниканта в целом, так и каждое его отдельное речевое действие, совершенное им в процессе речевой коммуникации. По этой причине выявленные в процессе исследования АЗТ характеристики следует учитывать при интерпретации речевых действий коммуникантов на этапе интегрирования их речевого поведения в динамическую структуру коммуникативного события.

6. Об анализе композиции речевой коммуникации

Важным этапом лингвистической части интегрального комплексного исследования фонограмм на наличие на них признаков монтажа или иных изменений, внесенных в процессе записи или после её окончания, является анализ композиции речевой коммуникации фигурантов АЗТ. Такой анализ предполагает деление рассматриваемой речевой коммуникации на отдельные эпизоды и проводится на двух уровнях, каждому из которых соответствует свой тип коммуникативных единиц.

Описание микроструктуры коммуникативного события базируется на вычленении из АЗТ минимальных коммуникативных единиц или интеракций.

Условимся в данном случае понимать под *интеракцией* (согласно концепции американского психолога Дж. Мида) непосредственную межличностную коммуникацию («обмен символами»), важнейшей особенностью которой признается способность человека «принимать роль другого», представлять себе (ощущать), как его воспринимает партнёр по общению.

Применительно к АЗТ интеракции есть не что иное, как двухкомпонентные диалогические единства, состоящие из речевых действий, принадлежащих различным участникам коммуникации и связанные отношениями иллокутивного вынуждения. Под последним понимается такой

процесс в диалоге, когда одна реплика — реплика-стимул (или соответствующее ей речевое действие) вызывает другую реплику — реплику-реакцию (или другое речевое действие), то есть адресант производит такое высказывание, которое прямо провоцирует адресата реагировать на его сообщение.

Другими словами, в процессе говорения (лат. *in locutio*) человек совершает еще и действие, имеющее какую-то внеязыковую цель: он спрашивает, отвечает, информирует, предупреждает и др. Речевой акт, рассматриваемый с точки зрения внеязыковых целей говорящего, выступает как *иллокутивный* акт.

Единицей описания макроструктуры события речевой коммуникации является коммуникативный эпизод — фрагмент АЗТ, в котором все реплики ориентированы на решение определенной коммуникативной задачи и связаны единой темой. Деление указанного события на отдельные эпизоды отражает динамику развития события речевой коммуникации, членимость этого события на отдельные фазы. В большинстве случаев со сменой фаз связана и смена тем.

7. Определение неразрывности события речевой коммуникации (или его отдельных фрагментов) в анализируемом звучащем тексте

Напомним, что конечной задачей комплексного исследования звукозаписи в аспекте выявления признаков монтажа или иных изменений, внесенных в процессе фиксации звучащего текста или после её окончания, является установление аутентичности (подлинности, несфальсифицированности) анализируемой фонограммы [Каганов, 2005, с. 152].

Эту же цель преследует и лингвистическая часть указанного комплексного исследования. С лингвистической точки зрения целостность отображения события речевой коммуникации в АЗТ можно определить как однозначно выраженное соответствие речевого поведения участников исследуемого коммуникативного события его динамической структуре как на микро-, так и на макроуровне в тех условиях, которые заданы анализируемой ситуацией речевого общения. По этой причине на данном (заключительном) этапе лингвистической части исследования звукозаписи на наличие / отсутствие на ней признаков монтажа осуществляется интегрирование установленных на предыдущих этапах параметров ситуации речевого общения и особенностей речевого поведения фигурантов-коммуникантов в заданных этой ситуацией условиях в динамическую структуру события речевой коммуникации.

Целостность речевого фрагмента, соответствующего взаимодействию собеседников в процессе речевого общения, на микроуровне определяется:

— семантико-синтаксической связностью элементов рассматриваемого общения;

— наличием отношений иллокутивного вынуждения между речевыми поступками коммуникантов в составе их взаимодействия, что включает в себя и адекватность реакции одного из коммуникантов на реплику-стимул его собеседника (адекватность реакции каждого из собеседников определяется ситуацией речевого общения);

— соответствием между репликой-стимулом и репликой-реакцией на содержательном уровне.

В качестве формальных средств семантико-синтаксической связности выступают союзы, предлоги, некоторые виды вводных конструкций и частиц, местоимения, повторы отдельных слов и сочетаний слов, повторение части вопроса при ответе на него, повторение слов из реплики собеседника, распределение функций темы и ремы, а также различных синтаксических компонентов предложения между репликами в анализируемом речевом взаимодействии, звуковые и смысловые ассоциации.

В дополнение к сказанному заметим, что каждое речевое действие в составе такого контактирования характеризуется фонетической (на сегментном и просодическом уровне), грамматической и семантической связностью составляющих его речевых компонентов.

Факт установления целостности речевого фрагмента, соответствующего речевому взаимодействию фигурантов-коммуникантов, свидетельствует о том, что исследуемый фрагмент АЗТ является результатом полной и непрерывной фиксации и представления на носителе звуковой информации (пластинке, магнитной ленте, цифровом звуковом файле и др.) соответствующего фрагмента события речевой коммуникации.

Целостность речевого фрагмента, соответствующего коммуникативному эпизоду на макроуровне, определяется:

- единством темы, обсуждаемой в данном эпизоде;
- исчерпанностью коммуникативных намерений каждого из говорящих;
- непрерывностью иллокутивного вынуждения: каждое речевое действие в анализируемом эпизоде функционально связано с предшествующим как реактивное, а с последующим — как стимулирующее;
- относительной ограниченностью рассматриваемого речевого фрагмента (то есть наличием маркированного или немаркированного завершения эпизода речевой коммуникации).

Факт установления целостности речевого фрагмента, соответствующего коммуникативному эпизоду, свидетельствует о том, что исследуемый фрагмент АЗТ является результатом полной и непрерыв-

ной фиксации, а также представления на носителе звуковой информации соответствующего фрагмента события речевой коммуникации.

В подавляющем большинстве случаев такое событие «соткано» из отдельных эпизодов, каждый из которых отражает свою отдельную тему (подтему). Такие коммуникативные эпизоды в составе события речевой коммуникации представляют собой относительные автономные целостности и сочетаются друг с другом на основе различного рода связей: связей, заданных «сценарием коммуникативного события» — коммуникативной ситуацией; связей ассоциативных, логических, эмоциональных и др.

Отметим, что в случае непринужденной коммуникации участников композиционная структура события речевой коммуникации усложняется. В коммуникации появляются ситуативные фрагменты, которые по критериям их протяженности и степени участия фигурантов-коммуникантов в их разработке могут быть разделены на два вида: вкрапления и включения.

Условимся считать в к р а п л е н и е м такое речевое действие коммуниканта, которое не получает разработки в речевых действиях его партнера (почти всегда подобные речевые действия являются репликами-реакциями на включение элементов пространственно-временной среды в речевую коммуникацию). Вкрапления «разрывают» коммуникативный эпизод, однако после их появления изменения темы не происходит. Яркой иллюстрацией подобного вкрапления может служить ответ одного из коммуникантов на телефонный звонок, поступивший во время основного разговора (пример, который встречается довольно часто в экспертной практике). При этом такой телефонный диалог никак не связан с темой основного разговора. В к л ю ч е н и я же состоят из взаимосвязанных речевых действий фигурантов-коммуникантов, разрабатывающих ситуативную тематику. В отличие от вкраплений включения диалогичны. Минимальный объем включения — одна интеракция.

При описанном подходе включения получают статус отдельных коммуникативных эпизодов. За таким ситуативным коммуникативным эпизодом может следовать как смена темы, так и возврат к предыдущей.

Примером включения может служить иллюстрация из нашей экспертной практики, когда подчиненная в деловом разговоре с начальником, воспользовавшись возникшей кратковременной паузой, обращается к нему с личной просьбой:

— Мне нужно на родину съездить, в Рыбинск.

— Ну и поезжай! Отправляйся у меня и поезжай.

После этого деловой разговор возобновляется.

Фрагменты, составляющие структуру события речевой коммуникации на макроуровне, могут находиться в отношениях включения, вкрапления, могут быть расположены как контактно, так и дистантно относительно друг друга. Установление ситуационно обусловленных, логических, семантических, ассоциативных и иных связей между этими фрагментами свидетельствует о целостности отображения коммуникативного события в АЗТ и, соответственно, о полноте и непрерывности (1) фиксации этого события и (2) представления его на носителе звуковой информации.

8. Заключение

Поводя итоги исследования, подчеркнем, что анализ звукозаписей на наличие на них признаков монтажа или иных изменений, внесенных в фонограмму в процессе записи или после её (записи) окончания, является наиболее сложной задачей КЭЗ на современном этапе развития данного вида экспертных исследований. Это обусловлено бурным развитием технологии цифровой записи звука и широким распространением современных средств мультимедиа и программных продуктов, предназначенных для записи, обработки и анализа цифровых фонограмм.

Перечисленные факторы требуют тщательной проработки теоретических положений, а также практических методов и приёмов анализа (в том числе и лингвистического) звукозаписей в аспекте их аутентичности (подлинности, несфальсифицированности).

Подчеркнем, что при проведении лингвистической части исследования анализируемого звучащего текста (АЗТ) как результата фиксации реального события речевой коммуникации на носителе звуковой информации (пластинке, магнитной ленте, жестком диске компьютера, флеш-карте и др.) эксперт-исследователь не является ни организатором, ни участником, ни свидетелем этого события, а только опосредованным наблюдателем [Шляхов, 1978]. По этой причине возможны ситуации, когда информации, имеющейся в АЗТ, по тем или иным причинам недостаточно для установления всех необходимых параметров рассматриваемой ситуации речевой коммуникации, интерпретации тех или иных речевых действий фигурантов-коммуникантов. В подобных случаях установить целостность соответствующего речевого фрагмента средствами одного лишь лингвистического (пусть даже и разветвленного) анализа не удастся [Кринов, 1996].

К сожалению, в отдельных экспертных ситуациях даже привлечение аппарата аудитивного анализа и инструментальных средств к исследованию такого «сомнительного» с точки зрения возможного монтажа места

фонограммы не даёт необходимого результата, особенно на современном этапе развития цифровых методов записи и обработки звуковых сигналов.

Безусловно, в такой ситуации установление полноты и непрерывности (так же, как и наоборот, неполноты и прерывания) фиксации события речевой коммуникации на том участке фонограммы, который соответствует данному речевому фрагменту, методами перцептивного анализа также не представляется возможным. Последнее, однако, не означает отказа от необходимости разработки теоретических оснований и практических рекомендаций по проведению разветвленного лингвистического анализа в процессе решения этой важнейшей задачи прикладной лингвистики и криминалистической экспертизы звукозаписей по той причине, что разработка и формулирование теоретических положений такого исследования необходимы с точки зрения теории судебной экспертизы в целом и судебной фонографии, в частности.

Следственных (а значит, и экспертных) ситуаций настолько много, что отбрасывать эту часть интегрального комплексного анализа фонограмм только на том основании, что возможный монтаж редко обнаруживается строго лингвистическими методами, недопустимо не только с точки зрения теории криминалистики и судебной экспертизы, но и (что особенно важно) с точки зрения судопроизводства, которое требует, чтобы заключение судебного эксперта (в том числе и эксперта КЭЗ с базовым лингвистическим образованием) отвечало трём важнейшим требованиям статьи 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: «Эксперт проводит исследование *объективно*, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, *всесторонне* и в *полном* объеме...» (курсив наш. — А. К.) [ФЗ № 73].

ЛИТЕРАТУРА

1. Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи / Е. А. Брызгунова. — Москва : Русский язык, 1977. — 281 с.
2. Галяшина Е. И. Особенности лингвистического анализа при установлении факта монтажа фонограмм / Е. И. Галяшина // Информатизация правоохранительных систем : сборник трудов X Международной научной конференции. — Москва : Академия управления МВД России, 2001. — С. 332—335.
3. Зубов Г. Н. Методы и средства обнаружения нарушений аутентичности фонограмм / Г. Н. Зубов, С. И. Коваль // Сборник методических рекомендаций. — Санкт-Петербург : Центр речевых технологий, 2003.
4. Каганов А. Ш. Криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей : краткая энциклопедия / А. Ш. Каганов, Л. Ф. Назин. — Москва : Юрлитинформ, 2014. — 280 с.
5. Каганов А. Ш. Криминалистическая экспертиза звукозаписей / А. Ш. Каганов. — Москва : Юрлитинформ, 2005. — 272 с.

6. Колдин В. Я. Криминалистическая идентификация и поисково-идентификационная деятельность / В. Я. Колдин // Криминалистика: информационные технологии доказывания. — Москва : Зерцало-М, 2007. — 752 с.
7. Кринов С. Н. Решение вопросов о монтаже фонограмм в экспертной практике / С. Н. Кринов // Информатизация правоохранительных систем : тезисы докладов Международной конференции. — Москва : Академия управления МВД России, 1996. — С. 179—181.
8. Леви А. А. Звукозапись и видеозапись в уголовном судопроизводстве / А. А. Леви, Ю. А. Горинов. — Москва : Юридическая литература, 1983. — 109 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
10. Морозов В. П. Невербальная коммуникация: экспериментально-психологические исследования / В. П. Морозов. — Москва : Институт психологии РАН, 2011. — 528 с.
11. Орлова В. Ф. Основы судебной экспертизы / В. Ф. Орлова / Москва : РФЦСЭ, 1997. — Часть 1: Курс общей теории. — 430 с.
12. Пащук Н. С. Психология речи / Н. С. Пащук. — Минск : МИУ, 2010. — 296 с.
13. Рамишвили Г. С. Криминалистическое исследование фонограмм речи и идентификация личности говорящего / Г. С. Рамишвили, Г. Б. Чикойдзе. — Тбилиси : Мецниереба, 1991. — 266 с.
14. ФЗ № 73— О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ.
15. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организации и проведение / А. Р. Шляхов. — Москва : Юридическая литература, 1979. — 168 с.

BRANCHED LINGUISTIC ANALYSIS AS A TOOL FOR IDENTIFYING ATTRIBUTES MONTAGE'S OF PHONOGRAMS

© **Alexander Sh. Kaganov (2021)**, orcid.org/0000-0002-7308-065X, PhD in Technical Science, Senior Researcher, Federal State Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), a.sh.kaganov@mail.ru.

The issues of a branched linguistic analysis of sounding texts for the presence / absence of editing signs or other changes made during the recording process or after its completion on phonograms containing these texts is discussed in the article. The relevance of the work is due to the rapid development of digital technologies for the fixation, analysis and processing of sound (primarily speech) signals and the use of these technologies for the purpose of falsifying phonograms. Particular attention in the work offered to readers is paid to highlighting those theoretical foundations that serve as the basis of the linguistic part of a comprehensive study of sound recordings in relation to their authenticity. The material for the study offered to the readers' attention was a set of sounding texts of those phonograms of Russian speech that were involved in the field of operational-search activity, investigation and legal proceedings as a source of evidence. The author dwells in detail on the issues of a branched linguistic analysis of these texts, consistently analyzes from a theoretical point of view the constituent stages of such a forensic study, shows the role of the linguistic part of the expertise in the integral complex study of sound recordings from the point of view of their integrity.

Key words: sounding speech; forensics; carrier of sound information; speech communication; situation of verbal communication; forensic examination; the integrity of the sounding text.

REFERENCES

- Bryzgunova, E. A. (1977). *Zvuki i intonatsiya russkoy rechi* [Sounds and intonation of Russian speech]. Moskva: Russkiy yazyk. 281 p. (In Russ.).
- FZ № 73— *O gosudarstvennoy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 31 maya 2001 g. № 73-FZ*. [On state forensic expertise in the Russian Federation: Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ].
- Galyashina, E. I. (2001). Osobennosti lingvisticheskogo analiza pri ustanovlenii fakta montazha fonogramm [Features of linguistic analysis when establishing the fact of mounting phonograms]. In: *Informatizatsiya pravookhranitel'nykh sistem: sbornik trudov X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Informatization of law enforcement systems: collection of proceedings of the X International Scientific Conference]. Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii. 332—335. (In Russ.).
- Kaganov, A. Sh. (2005). *Kriminalisticheskaya ekspertiza zvukozapisey* [Forensic examination of sound recordings]. Moskva: Yurlitinform. 272 p. (In Russ.).
- Kaganov, A. Sh., Nazin, L. F. (2014). *Kriminalisticheskaya ekspertiza video- i zvukozapisey: kratkaya entsiklopediya* [Forensic examination of video and sound recordings: a short encyclopedia]. Moskva: Yurlitinform. 280 p.
- Koldin, V. Ya. (2007). Kriminalisticheskaya identifikatsiya i poiskovo-identifikatsionnaya deyatel'nost' [Forensic identification and search and identification activity]. In: *Kriminalistika: informatsionnyye tekhnologii dokazyvaniya* [Criminalistics: information technologies of proof]. Moskva: Zertsalo-M. 752 p. (In Russ.).
- Krinov, S. N. (1996). Resheniye voprosov o montazhe fonogramm v ekspertnoy praktike [Solution of questions about the editing of phonograms in expert practice]. In: *Informatizatsiya pravookhranitel'nykh sistem: tezisy dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii* [Informatization of law enforcement systems: abstracts of the International conference]. Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii. 179—181. (In Russ.).
- Levi, A. A., Gorinov, Yu. A. (1983). *Zvukozapis' i videozapis' v ugolovnom sudoproizvodstve* [Sound recording and video recording in criminal proceedings]. Moskva: Yuridicheskaya literatura. 109 p. (In Russ.).
- Morozov, V. P. (2011). *Neverbalnaya kommunikatsiya: eksperimentalno-psikhologicheskiye issledovaniya* [Non-verbal communication: experimental psychological research]. Moskva: Institut psikhologii RAN. 528 p. (In Russ.).
- Orlova, V. F. (1997). *Osnovy sudebnoy ekspertizy* [Fundamentals of forensic examination]. Moskva: RFTsSE. 430 p. (In Russ.).
- Pashuk, N. S. (2010). *Psikhologiya rechi* [Psychology of speech]. Minsk: MIU. 296 p. (In Russ.).
- Ramishvili, G. S., Chikoidze, G. B. (1991). *Kriminalisticheskoye issledovaniye fonogramm rechi i identifikatsiya lichnosti govoryashchego* [Forensic research of phonograms of speech and identification of the speaker's personality]. Tbilisi: Metsniereba. 266 p. (In Russ.).

- Shlyakhov, A. R. (1979). *Sudebnaya ekspertiza: organizatsii i provedeniye* [Forensic examination: organization and conduct]. Moskva: Yuridicheskaya literatura. 168 p. (In Russ.).
- Yartseva, V. N. (ed.). (1990). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 685 p. (In Russ.).
- Zubov, G. N., Koval, S. L. (2003). Metody i sredstva obnaruzheniya narusheniy autentichnosti fonogramm [Methods and means of detecting violations of the authenticity of phonograms]. In: *Sbornik metodicheskikh rekomendatsiy* [Collection of guidelines]. Sankt-Peterburg: Tsentr rechevykh tekhnologiy. (In Russ.).